

БОСПОРСКИЙ ВОИН АПОЛЛОНИЙ И ЕГО ПОЭТ (КБН 119)

II

5. Конъектуры к *ΜΟΥΝΟΥ* (стк. 12)

Перейдем теперь к филологически гораздо более острому вопросу. Текст стк. 12 сл., начиная с первого издания, читают следующим образом: <v>ûν οὐ κελαϊνὸς οἴκο(ι)ς, ἥρώων δέ σε / ἔξουσι σηκοί. Чтение <v>ûν οὐ – поправка Латышева, которую издатели принимали и тогда, когда чувствовали некоторые сомнения в ее правильности.¹⁰⁴ Ведь в начале стк. 12, как отчетливо видно на фотографии, на месте издательской вульгаты <v>ûν οὐ камень дает *ΜΟΥΝΟΥ*.

К этому обстоятельству надлежит отнестись внимательнее. В самом деле, ясно, что в стк. 12–13 надгробного стихотворения слова ἥρώων σηκοί косвенно, а частица δέ логически призваны *исключать* мысль о “мрачном доме” (κελαϊνὸς οἴκο(ι)ς) как будущей обители отважного воина Аполлония. Поэтому после выделения необходимого по смыслу отрицания ΟΥ из второй части *ΜΟΥΝΟΥ* остается *ΜΟΥΝ*, которое озадачивает: выводить *ΜΟΥΝ* из гипотетического *ΝΥΝ* палеографически не слишком правдоподобно. Что касается смысловой стороны, то *vûν* можно признать удовлетворительным, так как оно действительно встречается в концовках эпитафий, когда в прощальном тексте по требованиям жанра приходится признать, что *отныне* как новопреставленные, так и осиротевшие перешли в иное состояние.¹⁰⁵ Это подтверждается, в частности, наличием *vûν* в стк. 15, где оно употреблено, впрочем, в самом обычном своем значении ‘сейчас, в настоящий момент’, а не в смысле ἄπὸ τοῦ *vûν*, как требовал бы контекст стк. 12 слл.¹⁰⁶

---

¹⁰⁴ Так, В. Пек печатает текст Латышева (*GVI Peek 1471*), а в аппарате – в осторожной форме – предлагает применительно к занимающему нас месту свои варианты: <οὐκ>οὐν в начале строки или <χ>θ<ὠ>ν οὐ κελαϊνο<ί>ς οἴκοις. Второе предложение по-своему остроумно, но не удовлетворительно уже в палеографическом отношении.

¹⁰⁵ Cf. *vûν δέ* (*GVI Peek 1443, 3*), καὶ *vûν* (*ibid.*, 809, 6) etc.

¹⁰⁶ *vûν cum fut.*, правда, изредка встречается, vid. s. v. *vûν*: Gu. Dindorf. *Lexicon Aeschyleum* (Lipsiae 1873) 230; F. Ellendt. *Lexicon Sophocleum*, ed. altera emendata a

Кроме того, два $\nu\nu$ поблизости одно от другого выглядят не слишком правдоподобно. Ведь появление несомненного $\nu\nu$ (в стк. 15) через три стиха после $\nu\nu$ гадательного (в стк. 12) *стилистически* отнюдь не украшало бы концовку стихотворения, которое хоть и не производит впечатления высокой художественности, однако отвечает известному литературному уровню. Поправка не убедительна и палеографически: трудно представить себе, чтобы первый знак предполагаемого в оригинале NYN резчик передал двумя знаками вышедшего из под его резца MOYN . Напротив, правдоподобный случай восстановления $\nu\nu$ из начертания HYN находим в *КБН* 1057, 5.

Также и в текстологическом ракурсе поправка предлагает признавать замену тривиальных $\nu\nu$ $\omicron\delta$ на загадочное в столь ясном контексте $\mu\omicron\nu\nu\omicron$. В этой текстологической ситуации естественно предположение, следы которого сохранились в экземпляре *КБН*, принадлежавшем Н. В. Шебалину: последний, не отвергая исправления $\nu\nu$, взвешивал, не возникло ли написание MOYNOY оттого, что на ремесленника повлияло $\mu\omicron\delta\nu\omicron\varsigma$ из стк. 9.¹⁰⁷ Непонятно, однако, почему бы взгляд мастера поднялся намного (на три строки) выше, где нет к тому же элементов, которые сбивали бы своим сходством; кроме того, трудно себе представить, чтобы резчик не видел разительной необходимости отрицания при словах $\kappa\epsilon\lambda\alpha\iota\nu\omicron\varsigma$ $\omicron\iota\kappa\omicron\{\iota\}\varsigma$,¹⁰⁸ и переиначил бы $\mu\omicron\delta\nu\omicron\varsigma$ из стк. 9 на другую падежную форму ($\mu\omicron\delta\nu\nu\omicron$) единственно для того, чтобы вступить в войну с каким бы то ни было смыслом. Между тем мы видели, что грамматически пугающие написания в *CIRB* 119 как раз предполагают у мастера заботу о том, чтобы текст эпитафии был воспроизведен доброкачественно в отношении орфографии, хотя последняя не была сильной стороной того или тех, кто занимался этим стихотворением на разных этапах работы с ним.

Отметим, наконец, и то, что в текстах того же жанра, когда в протаксисе употреблено $\acute{\alpha}\lambda\lambda' \epsilon\iota$ (постановка этих слов в начале стихотвор-

---

Н. Genthe (Berolini 1872) 475; однако значение ‘отныне’ (нем. ‘nunmehr’) выражается скорее через $\tau\omicron$ ($\tau\alpha$) $\nu\nu$, $\nu\nu$ $\delta\eta$, ($\nu\nu$) $\eta\delta\eta$ (*K.-G.* II, 121).

¹⁰⁷ Как видно из маргиналии Шебалина (ср. прим. 40 в первой части настоящей работы), он в ту пору подбирал по *КБН* примеры “атомарности” внимания резчиков.

¹⁰⁸ Иногда авторы надгробных стихов допускают, что герой вступает в невеселую обитель смерти (смерть как царство тьмы: *GVI Peek* 662, 699, 964, 1576, 1694), где, однако, ему уделяется некое почетное место (*ibid.*, 1969, 13 sq.; 1108); чаще переход умершего в царство тьмы стараются все-таки отвести на задний план (*ibid.*, 970, 1297 и т. д.).

ной строки типична), в аподосисе при глаголе в индикативе редки временные определители и, в частности, не видно $\nu\hat{\nu}$.¹⁰⁹ В целом, поэтому, ясно, что широко принятая конъектура NYN вместо MOYN мыслима, но мало правдоподобна; также и другие догадки относительно MOYNOY в стк. 12 не убеждают, так как вступают в противоречие с общей физиономией документа.

Поэтому попробуем еще раз обдумать текст с чтением MOYNOY , как он представлен в надписи. Ведь помимо сильных сторон консервативной позиции вообще, в пользу такого решения говорит не только необходимое присутствие OY ($\text{o}\hat{\nu}$) перед $\kappa\epsilon\lambda\alpha\iota\nu\acute{o}\varsigma \text{o}\hat{\iota}\kappa\omicron\{\iota\}$, но и уместность OYN (частицы $\text{o}\hat{\nu}$) именно на том месте, где соответствующая последовательность букв из начала стк. 12 отлично вписывается в контекст всей эпитафии.

Действительно, аттическое $\text{o}\hat{\nu}$ (в остальных диалектах $\hat{\omega}\nu$) часто появляется в заключительной части греческих эпитафий, где появление этой частицы провоцируется самой природой жанра – ведь речь идет о подведении *итога* человеческой жизни. Для примера из боспорских же надписей назовем *CIRB* 121: $\epsilon\acute{\upsilon}\delta\omega\nu \text{o}\hat{\nu}$, Ἐκαταίε (начало третьего стиха в эпитафии из четырех стихов); ср. сочетания вроде $\nu\hat{\nu} \text{o}\hat{\nu}$, $\acute{\alpha}\lambda\lambda' \text{o}\hat{\nu}$, $\pi\acute{\omega}\varsigma \text{o}\hat{\nu}$, $\tau\iota\varsigma \text{o}\hat{\nu}$, $\acute{\epsilon}\grave{\alpha}\nu \text{o}\hat{\nu} \tau\iota\varsigma$ и т. п. И если в *CIRB* 119 переход к заключительной части ознаменован уже $\acute{\alpha}\lambda\lambda' \epsilon\acute{\iota}$ в стк. 10, которое резюмирует вводную часть эпитафии (кому и как приключилась смерть), то $\text{o}\hat{\nu}$ в стк. 12 вводило бы желательный катартический противовес печальному событию в виде уверенности в загробном воздаянии герою.

Кроме того, второе место после начального слова в своей синтагме есть нечто типичное для $\text{o}\hat{\nu}$, которое дальше от начала синтагмы оказывается только в том случае, если к начальному слову (или группе) тесно примыкает другая частица (или две), что дает сочетания типа $\acute{\omicron}\pi\omega\varsigma \tau'$ (или γ') $\acute{\alpha}\nu \text{o}\hat{\nu}$, $\acute{\omicron}\phi\rho\alpha \mu\acute{\epsilon}\nu \text{o}\hat{\nu}$, $\tau\acute{o} \delta' \text{o}\hat{\nu}$, $\mu\acute{\eta}\delta' / \mu\acute{\eta}\tau' \text{o}\hat{\nu}$, $\mu\acute{\eta}\delta' \acute{\omicron}\tau\iota\text{o}\hat{\nu}$ и т. п. Таким образом, как синтаксическая, так и (жанрово обусловленная) смысловая сторона делает наличие $\text{o}\hat{\nu}$ в стк. 12 в высшей степени правдоподобным. Перед естественным по контексту OYN , за которым следует необходимое по смыслу OY , непременно – по требованию греческого синтаксиса – должно стоять какое-нибудь слово, от-

¹⁰⁹ Ср. *AG* VII, 344 b; 419; XI, 309; XII, 253; XVI, 387; *IG* IX, 1 (2), 314, 8 sq. Только в *AG* VII, 397 за $\acute{\alpha}\lambda\lambda' \epsilon\acute{\iota}$ следует $\acute{\epsilon}\tau\iota \kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$, но и это менее неловко, чем с $\nu\hat{\nu}$.

крывающее синтагму. Поэтому знак М перед ΟΥΝ в стк. 12 в высшей степени уместен, если, конечно, он способен представлять какое-нибудь греческое слово.

6. Контракция μῆ οὖν

В этой ситуации соблазнительно предположить, что ΜΟΥΝ восходит к сочетанию μῆ οὖν, графически передавая красис двух гласных, которые в итоге давали бы односложное образование μῶν. Как показывает *TLG*,¹¹⁰ словосочетание μῆ οὖν (часто в слегка расширенной форме μῆτ' οὖν, μῆδ' (ὅτι)οὖν, μῆπὸτ' οὖν, μῆ γοὖν, ср. τοιγαροῦν, εἰ / ἐπεὶ δ' οὖν и др.) богато представлено у греческих авторов: с этими вариациями по *TLG* и “Электронному Тезаурусу документальных текстов” (*Greek Documentary Texts PHI #7*) обнаруживается по меньшей мере несколько десятков случаев.

Сочетание μῆ οὖν встречается, таким образом, весьма часто. О синтаксисе и смысле стк. 12 сл. будем говорить ниже, а пока посмотрим, засвидетельствовано ли слитное произношение этого сочетания в форме слитного написания или в форме требований стихового размера. Мне известны два свидетельства слитного произношения μῆ οὖν (отвлекаясь пока от обсуждаемого здесь); оба, к сожалению, не вполне надежны.¹¹¹

Во-первых, свидетельством можно считать мнение античных филологов, которые чаще всего признавали, что μῶν произошло из μῆ οὖν: так в текстологически плохо сохранившейся статье о μῶν у Гезихия,¹¹² у схолиаста Аристофана¹¹³ и в других позднеантичных лексиконах.¹¹⁴ Вы-

¹¹⁰ Автор признателен А. В. Карлину за помощь в освоении электронных инструментов лексикографического поиска, который был интенсивно использован в этой работе; еще в 1994 г. автор получил от В. Л. Берса (Йель) несколько советов по электронным поискам при исследовании греческого синтаксиса.

¹¹¹ Слитное μῶν в не очень хорошо сохранившемся папирусном отрывке (*TrGF II Snell, fr. adesp. 632, 27* [р. 197]) представляет собой нечто иное, поскольку начальный согласный в этом фрагменте восходит, судя по всему, к личному местоимению первого лица в вин. падеже: μῶν < με οὖν. Для нас это подтверждает, с одной стороны, привычность элизии гласного перед οὖν (ср. γοὖν, δ' οὖν), а с другой, показывает, что при контракции в сочетании μ(ῆ) οὖν возникала омонимия с μ(ε) οὖν, чего язык стремится, конечно, избежать.

¹¹² *Hesychii Lexicon*, M 2057: μῶν· μῆ <οὖν>. οὐ δῆ· ἄρα.

¹¹³ *Schol. in Arsph. Plut.* 271: μῶν· μῆ οὖν.

¹¹⁴ *Etym. Gud.* (M p. 402, 8), *Etym. Magn.* p. 596, 25–26 Gaisford) и др. в более пространной форме сообщают, кажется, то же самое.

сказывание античного грамматика происходит от желания указать этимологию $\mu\hat{\omega}\nu$,¹¹⁵ но косвенно указывает на то, что произношение $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ в один слог представлялось античным грамматикам вполне естественным.¹¹⁶ Но если за $\mu\hat{\omega}\nu$, которое специализировалось как вопросительная частица, нередко следует $\omicron\upsilon\nu$ или $\mu\eta$,¹¹⁷ то отсюда видно, что $\omicron\upsilon\nu$ как часть слитного $\mu\hat{\omega}\nu$ обычным носителем языка уже не осознавалась, так что в приведенной этимологии $\mu\hat{\omega}\nu$ мы имеем дело скорее с кабинетной реконструкцией. Отсюда, иначе говоря, еще не видно, до какой степени привычно было делать элизия также и в сочетании $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$, тем более что у Аполлония Дискола в рассуждении об ударении в двухсложной частице $\omicron\upsilon\kappa\omicron\upsilon\gamma\eta\nu$ находим и примеры с $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ (Apoll. Dysc. *De conjunct. GG* II, 1, p. 258, 7 sqq. Schneider): $\phi\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \omicron\upsilon\tau\omega\varsigma\ \mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota$; $\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \pi\rho\sigma\tau\acute{\alpha}\xi\epsilon\iota\ \mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon$, $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon$. Приводя эти примеры, грамматик, пожалуй, исходит из того, что в прозаической речи сочетание $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ нормальным образом произносится в два слога.

Второе соображение, которое могло бы помочь нам уяснить, имела ли практика слияния $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$, – метрическое, что особенно важно ввиду нашей задачи – выявить, происходила ли контракция в произношении этих частиц в стихах.

Сперва назову случай, когда такое слияние, по всей видимости, не имелось в виду автором. Это стих из Heliod. *Alchem.* v. 95: $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \mu\alpha\kappa\rho\acute{\alpha}\nu\ \acute{\epsilon}\kappa\tau\acute{\epsilon}\mu\upsilon\omega\nu\ \acute{\omicron}\delta\acute{\omicron}\nu$.¹¹⁸ Приведенный стих читается, только если предположить, что красиса внутри занимающего нас сочетания не было; по окружающим стихам видно, что гиагов автор не боится (ср. ст. 9, 168 и др.).

Другой случай, когда приходится взвешивать, имела ли место контракция с элизией первого гласного, представлен в следующих стихах, принадлежащих то ли Еврипиду (Stob. *Flor.* IV, 44, 4, vol. V, p. 958, 10 Hense = Eur. *fr.* 174 N² = *fr.* 174 Kannicht), то ли, как полагал П. Добри, с

¹¹⁵ P. Chantraine, *DELG*, s. v. $\omicron\upsilon\nu$: известный своим скепсисом этимолог не отрицает правоты своих античных предшественников; то же у Фриска, *GEW*, s. v.

¹¹⁶ Относительно $\mu\hat{\omega}\nu$ в смысловом отношении см. ниже стр. 231–232.

¹¹⁷ Сочетание $\mu\hat{\omega}\nu\ \omicron\upsilon\nu$ (нередко с последующим $\omicron\upsilon$) ex. gr.: Aesch. *Choe.* 177. Eur. *Andr.* 82; Arsph. *Plut.* 845, Plat. *Soph.* 250 e 1, 268 c 8; $\mu\hat{\omega}\nu\ \mu\eta$: Plat. *Phaed.* 84 c 6; *Resp.* 505 c 6 и др.

¹¹⁸ По-видимому, неоплатонический автор, писавший в начале VIII в. (H. Hunger. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantinern* II [München 1978] 280, с лит.); $\rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ передает, надо думать, $\rho\omicron\rho\epsilon\upsilon\theta\eta\acute{\iota}\varsigma$.

которым по существу готов был согласиться и А. Наук, – Менандру¹¹⁹ (cf. Menandr. fr. dub. 1084 Kock = CAF III, 263):

μη οὖν θέλε λυπεῖν σαυτὸν εἰδῶς ὅτι
πολλάκι τὸ λυποῦν ὕστερον χαρὰν ἄγει.

1 θέλε SMA ἔθελε Grotius; εἰδῶς SMA <ἐξ>εἰδῶς Herrmann; an <εὐ>
εἰδῶς legendum?

Атрибуция для нашего рассмотрения, по счастью, безразлична,¹²⁰ так как нам не важно, имеем ли мы дело со свидетельством V в., IV в. до н. э. или даже более позднего времени; существеннее то, что стих в этой форме неметричен. Поэтому А. Наук, за которым последовал ряд издателей, читал: μη οὖν <ἐ>θέλε λυπεῖν σαυτὸν <ἐξ>εἰδῶς, ὅτι..., где сочетание μη οὖν надлежало читать в один слог, так что мы получали бы искомую параллель.¹²¹ Возможны, однако, и другие варианты, которых много, так как перед εἰδῶς поправка необходима, а с θέλε и σαυτὸν возможны варианты <ἐ>θέλε и σ<ε>αυτὸν resp., например: μη οὖν θέλε λυπεῖν σ<ε>αυτὸν <ἐξ>εἰδῶς¹²² (или, напр. <εὐ> εἰδῶς)¹²³ ὅτι..., так что стих, используя названные вариации, можно читать с элизией μή, а можно без нее, так что получился бы анапест вместо второго ямба первой диподии. Правда, анапест в таком месте стиха почти невероятен у Еврипида,¹²⁴ зато он весьма вероятен у Менандра.¹²⁵

¹¹⁹ Несмотря на сомнения А. Наука в принадлежности фрагмента Еврипиду, в его *Dictionis tragicæ Index* (Petropoli 1892) 497, s. v. οὖν (*ibid.* s. v. μή) этот стих приводится, причем с поправками, понуждающими к чтению μη οὖν в один слог.

¹²⁰ Этот фрагмент подробно разбирается в работе: L. Inglese. Euripide, fr. 174 N² // *Bollettino classico* III. 19 (1998) 69–81 (автора интересует реконструкция Еврипидовой *Антигоны*, и это, пожалуй, способствовало тому, чтобы дорожить атрибуцией фрагмента Еврипиду).

¹²¹ Метрически такое чтение применительно к первой диподии имеет, конечно, множество параллелей как у Еврипида, так и у Менандра; также и расположение λυπεῖν в последнем слоге первой диподии и в первом второй характерно для этого глагола в ямбических триметрах, ср. Eur. *Hel.* 589; Men. 4, 194 (9), cf. *Monost.* 3 и др. комические писатели по индексу Г. Якоби (H. Jacobi. *Comicæ dictionis Index*, s. v. λυπέω).

¹²² Можно было бы думать и об <εὐ> εἰδῶς, cf. AG XVI, 27, 1 (популярный афоризм).

¹²³ Inglese. *Op. cit.*, 73 n. 19.

¹²⁴ Это в свое время отмечал Гуго Гроций, считавший, что μη οὖν в разбираемых триметрах давало благодаря красису один слог; он поправлял стих так, чтобы он годился Еврипиду; Inglese (*op. cit.*, 71 n. 150) цитирует голландского гуманиста: “... quia versus est tragicus, in quo anapaestum sede secunda vix reperias”.

¹²⁵ Анапест в первом ямбе у Еврипида встречается нередко, чаще в именах собственных (Eur. *Hel.* 5, 10, 21, 29, 30, 60 etc.); зато в просмотренных нами с этой

Иначе говоря, вероятно, что фрагмент восходит к Менандру, и правдоподобно, хотя и не обязательно, что читалось $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ с контракцией; по крайней мере, с Науком трудно не согласиться: какая-то разновидность синизесы правдоподобнее, чем гиаг, тем более что сочетание $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$, видимо, воспринималось как прозаизм, почему его и избегали в поэзии. Произнесение $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ в один слог, ни разу вполне надежно здесь не засвидетельствованное, можно все-таки признать более правдоподобным в разобранном только что случае.

В целом, поэтические тексты свидетельствуют о том, что $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$, то подвергаясь контракции, то обходясь без нее, не зря чрезвычайно редко встречалось в поэзии на фоне интенсивного использования в прозе и в деловой речи: ¹²⁶ в первом случае получалась бы нежелательная омонимия с сочетанием $\mu(\epsilon)\ \omicron\upsilon\nu$; ¹²⁷ во втором – неприемлемый в метрической речи гиаг. ¹²⁸ В прозе контракция скорее всего происходила: бытовая речь склонна к различным проявлениям синалефы, и если у нас складывается противоположное ощущение, то это следствие консерватизма и нормализаторских тенденций в орфографии.

Как раз поэтому, наверное, сочетания типа $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ в речи видоизменялись так, чтобы можно было обойтись без гиага и без смысловой неясности, например, разбив чреватое синалефой сочетание той или иной частицей вроде $\mu\eta\tau'\ \omicron\upsilon\nu$, $\mu\eta\delta'\ \omicron\upsilon\nu$, $\mu\eta\ \gamma\omicron\upsilon\nu$, $\mu\eta\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \omicron\upsilon\nu$ и т. п.: язык любит краткость, но готов иногда отказаться и от нее ради внятности. В таких группах элизия перед $\omicron\upsilon\nu$ постоянно практикуется как в прозаических, так и в поэтических текстах – элизия в этой ситуации

точки зрения ямбических триметрах из *Елены* Еврипида (стт. 1–1000) и из Менандра *Угрюмца*, или, лучше сказать, *Бирюка* (стт. 1–200), анапест второго ямба в первой диподии у Еврипида не встречается ни разу, а у Менандра, напротив, – на каждом шагу (*Dysc.* 5, 9, 31, 32, 37, 42, 47 etc.), притом совсем не только в собственных именах и приблизительно вдвое чаще, чем разрешение долгого в два кратких. Не удивительно, что Р. Каннихт (*TrGF* V, 1, fr. 174), ориентируясь на Науку, приводит фрагмент в числе относящихся к Еврипидовой *Антигоне*, но в принадлежности стихов Еврипиду не верит.

¹²⁶ Особенно часто $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ выступает в сочетании с *coniunct. aor.*, например, с глаголом $\rho\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$: $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\varsigma\ \rho\omicron\iota\acute{\iota}\sigma\eta\varsigma$ (примеры по электронным индексам исчисляются сотнями).

¹²⁷ Пример с элизией $\mu(\epsilon)\ \omicron\upsilon\nu$ см. выше прим. 111. Вот пример, когда $\mu\eta$ и $\mu\epsilon$ оказались по соседству – элизии, как обычно, подвергается местоимение: *Aesch. Suppl.* 380; *Eur. fr.* 255 $\mu\eta\ \mu'\ \acute{\alpha}\tau\mu\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma\ \mu\omicron\lambda\epsilon\acute{\iota}\nu$ et sim.

¹²⁸ В стихах гиаг (за считанными исключениями) был под запретом: F. Blass. *Die Attische Beredsamkeit* II³ (Leipzig 1892) 139 ff., 458 ff.; Schwyzler *GrGr* I, 399–406.

была столь стойкой, что она почти лексикализовалась и пробила в графику. Все это делает весьма правдоподобной контракцию (элизию, или афезу первого гласного) μή οὖν, в результате которой получалось односложное μοῦν.

Для нашего рассмотрения важно, что после μή различные слова, начинавшиеся с гласного, очень настойчиво подвергались синалефе, что очень неохотно, кажется, передавалось орфографией античных и средневековых текстов.¹²⁹ Издания нового времени охотно передают синалефу μή в форме, именуемой *prodelisio*, когда выпавшим оказывается начальный гласный второго слова (*elisis inversa*), а μή оставлено в неприкосновенности: так удается между прочим избежать омонимии с μ', которое привычно ассоциируется с μ(ε). Так в стихе *AG XII, 73* (вторая часть пентаметра): μή ὑποδέχεσθε, νέοι, или известная синалефа в *Arsph. Thesm. 536*, где μή ἡμεῖς произносится в два, а не три слога; или, еще интереснее, *ibid. 476* μή ἄλλην λέγω, где издатели печатают требуемое метром μάλλην.¹³⁰ Поучительно чтение на камне, воспроизведенное у Диттенбергера: μήλοστῶμεν. Вообще получается так, что метр требует произнесения в один слог на стыке гласных при μή, между тем как по смыслу отрицание, как справедливо отметил В. Диндорф, склоняет к полному воспроизведению, отсюда понятно предпочтение, отдаваемое издателями в подобной ситуации афезе: μή ἴκδως (*Aesch. Suppl. 337*), μή ἴς < μή εἴς (*Septem 208*) и т. п.

Вот и сочетания μή οὐ(κ) (сдвоенное отрицание), которое в фонетическом плане столь близко к занимающему нас μή οὖν, обычно произносится в один слог,¹³¹ что засвидетельствовано массой метрических

¹²⁹ Вопрос о том, как представлены в орфографической практике различные виды синалефы (элизия и афеза в частности), заслуживает специального изучения, ибо следовало бы поверить средневековую рукописную традицию документально сохраненными текстами, ср. Kühner – Blass I, 232 (элизия), 241 (афеза); В. Диндорф в *Lex. Aesch.*, s. v. μή, после рассуждения о различных формах синалефы отмечает: quae omnia in *M* plene sunt scripta.

¹³⁰ Простая элизия первого гласного или афеза второго в получающемся зиянии не без оснований представляется сомнительной на фоне более сложных процессов при красисе; об этих процессах см. Schwyzer *GrGr I*, 401, 1; множество важных наблюдений и соображений у Эллендта – Генте (*Lex. Soph.*, p. 448) в специальном разделе: Passio vocalis μή sequentis.

¹³¹ Произношение в один слог сочетания подтверждается множеством примеров из аттического театра (*Aesch. Prom. 627*; *Soph. OR 283, 1065, 1232*; *OC 566*; *Ant. 97, 544, 936* etc.; *Arsph. Ach. 319*). Примеры – как в ямбах, так и в анапестах – нетрудно умножить, опираясь на грамматики (К. Krüger. *Griechische Sprachlehre*.

примеров из аттической драмы и давно отмечено исследователями, наблюдавшими за графикой рукописей при передаче слияния (красиса) $\mu\eta\ \omicron\upsilon$, как и вообще в случаях, когда непосредственно вслед за $\mu\eta$ следовал гласный. И хотя контракция $\mu\eta\ \omicron\upsilon$ с произнесением этого сочетания в один слог была нормой в поэтических текстах, на письме это отражалось непоследовательно, как можно наблюдать по эпиграфически засвидетельствованным текстам или солидным аппаратам критических изданий.¹³²

7. Передача контракции в метрических надписях

Возвращаясь к минимальной засвидетельствованности контракции в группе $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$, не следует забывать, что в наших индексах к авторам, включая *TLG*, отвергнутые издательским узусом разночтения и, тем более, орфографические варианты отмечаются лишь sporadически; ведь даже в критических изданиях греческих текстов *orthographica*, по понятным причинам, редко выносятся в критический аппарат; обычно это оправдано, но перед нами случай, когда было бы интересно проследить, как $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu$ на деле представлено в рукописной традиции.¹³³ Вопрос: отражать или нет процессы контракции на письме – особенно остро стоял в отношении метрических текстов, где от этого зависело, насколько легко и правильно читающий поймет метр.

Как известно, греческий узус (тут, конечно, неоценим именно эпиграфический материал) в метрических текстах воспроизводил подлежащие контракции места на стыке гласных двояко: либо выписывая вступающие во взаимодействие слова в полной их форме, либо, наобо-

---

5. Aufl. von W. Pökel [Leipzig 1875] 67, 12, Anm. 4) или словари к авторам; Ф. Эллендт в *Lexicon Sophocleum*, s. v. $\mu\eta$ прямо утверждает: “ $\mu\eta\ \omicron\upsilon$ pronuntiando coalescere certum sit”; E. Handley (ed.). *The Dyskolos of Menander* (Cambridge 1965) ad v. 152: “The scansion $\mu\eta\ \omicron\upsilon$ by synizesis is normal, and common to Comedy and Tragedy”. Результатом могло быть $\mu\omicron\upsilon$, $\mu\omicron\upsilon$ или собственно синизеса $\mu\epsilon\upsilon$ (cf. Schwyzer *GrGr* I, 401).

¹³² Выборка из Eur. *Hel.* (Alt) и Menand. *Dysc.* (Handley) показывает, что орфографически при соседстве $\mu\eta$ со словами, начинающимися с гласного, греки предпочитали отрицательную частицу выписывать полностью, вопреки произношению, требуемому метром, т. е. предоставлять читателю самому выбрать тип синалефы.

¹³³ В текстологическом отношении *TLG* не может и не берется спорить со старинными учеными словарями греческого языка, в особенности со словарями к отдельным авторам. Ср., к примеру, уже упоминавшиеся и основанные на знании рукописной традиции Софокла данные Ф. Эллендта (прим. 130).

рот, отражая на письме итог требуемых метрикой и дозволяемых просодией фонетических адаптаций. В первом случае слова легко узнаваемы, но понимание просодии и приложение к тексту метрической схемы предоставлены искушенности читателя; во втором – облегчено метрическое восприятие стихов, зато требуется мысленная реконструкция исходных форм. Хронологически или жанрово оба эти способа записи метрических текстов приурочить трудно. В эпиграфически засвидетельствованных метрических текстах представлены обе системы; скажем сразу, что метрическая, более снисходительная к тем, кто незнаком с тайнами версификации, с древнейших времен встречается определенно чаще.¹³⁴

Иногда говорят, что среди аттических стихотворных надписей запись *contra metrum* характерна скорее для текстов общественного назначения,¹³⁵ а записи *secundum metrum* – для частных.¹³⁶ Это, пожалуй, справедливо, чему угадывается и причина: ведь всегда найдется кто-нибудь, кто правильно и сам, и для других прочтет как следует какой-нибудь общественно значимый текст, между тем как в частных стихотворных надписях, какие для многих составлялись на заказ, приходится считаться с недостаточным навыком метрической рецитации. Только этот или подобный *Sitz im Leben* способен объяснить, почему смешение обеих систем в пределах одного текста встречается так редко – по всей видимости и автор, и резчик отчетливо сознавали, что надо держаться либо одного, либо другого.

Пантикапейский материал – около четырех десятков метрических текстов – это подтверждает: обычно какая-нибудь из систем выдержки-

¹³⁴ См.: *Carmina epigraphica Graeca saeculorum VIII–V a. Chr. n.* Ed. P. A. Hansen, I (Berolini – Novi Eboraci 1983); из первых ста метрических текстов *secundum metrum* записаны более 20 текстов при всего 5 *contra metrum* (4, II, 1; 14, 2; 32, 1 с неметрическим написанием ἐλέθεκε{ν} θανό<ν>τοι-; 42, I, 2; 46, 1); смешение систем наблюдается в 13, 4: ταῦτ' ἀποδύραμενοι рядом с νῆσθε ἐπί.

¹³⁵ Торжественная посвятельная надпись *CIRB* 113 с выписанным полностью στήσε, хотя произносится στήσ', – пример того, что *scriptio plena* участвовала в создании атмосферы торжественности. Труднее истолковать выбивающееся из общей картины всего памятника полное (несмотря на метрически требуемый красис) написание καὶ οὐ в *CIRB* 130, стк. 10, ср. ниже прим. 139.

¹³⁶ L. Thraette. *The Grammar of Attic Inscriptions* I (Berlin – New York 1980) 418, 427 ff., 434; II, 746–748 (поправки). По наблюдениям этого автора оба – полное или, наоборот, адаптированное к метру – написания встречаются вперемежку; при этом дается та дифференциация обеих разновидностей записи по частным или общественным надписям, какая кажется правдоподобной, более того – объяснимой.

вается (скорее сочинителем, чем резчиком, ибо именно первый отчетливо понимал соотношение орфографии и метрики). Не альтернативно, а собственно хаотично, вперемежку в одном тексте, обе системы используются очень редко: например, в стихотворных эпитафиях *CIRB* 113–148 метрический способ написания находит себе выражение в 17 эпитафиях (114, 121, 123, 124, 125, 126, 128, 131, 132, 133, 136,¹³⁷ 137, 142, 145, 146, 147, 148), а полное воспроизведение любой словоформы, или написание *contra metrum* – в четырех (113, 118, 134, 139¹³⁸); при этом только в № 130 есть соединение обеих систем (*secundum metrum*: l. 5, 11, 12, 15 bis, 21, 23; но *contra metrum*: l. 10), что тут же, кажется, находит себе объяснение, если принять, что не просто обширная, но очевидным образом составная надпись на надгробии Феофилы восходит к своеобразному агону поэтов, так что отдельные тексты, хоть и собраны вместе, воспроизводят ту манеру передачи на письме метрического текста, какая была привычна для разных авторов.¹³⁹

В нашей надписи (отвлекаясь пока от анализируемого случая с *MOYN*) фонетические процессы на стыке гласных приходилось воспроизводить четырежды, и всякий раз стыки переданы не через *scriptio plena*, или *contra metrum*, а применительно к *результату* фонетического взаимодействия (способ записи стихов *secundum metrum* можно назвать *scriptio compendiaria*): таковы элизии δ' в стк. 5 и 7; в стк. 10 элизия конечного гласного в ἀλλ', а в стк. 13 красис: Ὠπολλώνιε.¹⁴⁰ И напротив: признаков противоположной системы в *CIRB* 119 нет – орфо-

¹³⁷ Занятный случай в *CIRB* 136, где резчик не только воспроизвел элизию в стк. 7, но и в стк. 3 – видно, по привычке часто писать этот союз *secundum metrum* – лишил те гласного там, где последний был метрически необходим, а в оригинале самим сочинителем текста был, наверное, выписан полностью.

¹³⁸ В стк. 8 написание неметрическое, а если убрать μ', попавшее в стк. 9 из предыдущего стиха по ошибке (см. *Hyperboreus* 5 [1999]: 1, 93), то и в стк. 9 будет καὶ ἐκ без передачи синалефы на письме.

¹³⁹ А. И. Доватур (Проводы Феофилы [*CIRB* 130] // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* [СПб. 1992] 12–20) обосновывает тезис о едином авторстве обширного текстового сопровождения *CIRB* 130. Если приведенное только что наблюдение противоречит такому решению, оно никак не может поставить точку в этом вряд ли до конца разрешимом вопросе; мыслимо и примирение обоих представлений: отдельные части стихотворной композиции писали разные поэты, а потом кто-то один расположил отдельные вещи так, что они образовали подобие целого.

¹⁴⁰ О типах контракции см.: Schwyzer *GrGr* I, S. 401 ff. Krüger. *Op. cit.*, § 13. 7. Anm. 10, S. 36 (о средствах против *guata*).

графия этой надписи носит, таким образом, последовательно фонетически-результатирующий, или “метрический”, характер, что сильно поддерживает толкование ΜΟΥΝ в начале стк. 12 как μὸῦν, происходящего из μ(ῆ) οῦν – ведь естественно же допустить, что мы имеем дело с пятым случаем прямого отражения контракции на письме в пределах текста, характеризуемого именно этой манерой.

В целом: помимо консервативной позиции – особенно уместной, когда мы имеем дело с документально засвидетельствованным текстом, – есть немало оснований полагать, что ΜΟΥΝΟΥ в стк. 12 отражает именно то, что имелось в виду как автором стихотворения, так и резчиком, а написание μῆ οῦν в один слог в нашем тексте не только правдоподобно, но и вероятно.

8. Нексальное μῆ в стк. 12–13?

От формы и способа чтения обратимся к интерпретации деталей синтаксиса и смысла предполагаемого мною образования из μ(ῆ) οῦν и (заслуженно) общепризнанного οὐ, стоящих, как кажется, за ΜΟΥΝΟΥ из стк. 12 эпитафии Аполлония. Синтаксическое положение и смысловую уместность οῦν мы уже отмечали. Действительно, ἄλλ’ εἰ из стк. 10 давало знак, что дело идет к последним выводам,¹⁴¹ а οῦν (в континуативно-следственном значении)¹⁴² указывает на то, что следует из перечисленных достоинств Аполлония:¹⁴³ темное пребывание в Аиде ему, *выходит*, не грозит, ибо он заслужил право жить вечно среди героев.¹⁴⁴

¹⁴¹ Во множестве эпиграмматических текстов (не только в эпитафиях) ἄλλ’ εἰ готовит к тому, что дело идет к завершительной пуанте: *AG VII*, 397, 3 sqq.; 419, 7 sq.; *XI*, 309, 6 sq. etc.

¹⁴² E. des Places. *Etudes sur quelques particules de liaison chez Platon* (Paris 1929) 3–220: все восемь главок первой части труда посвящены οῦν и его сочетаниям с другими частицами; континуативный смысл οῦν Де Плас передает франц. ‘cela étant’.

¹⁴³ J. D. Denniston. *GP²* 419 ff., 422 f. (οὔκουν ... γε как отрицательная форма к γοῦν), 430 ff.

¹⁴⁴ ἦρωες в разбираемом тексте находится где-то посредине своего смыслового развития: к полубогам *приравниваются* исполненные мужества воины. Обстоятельно рассматривается этот вопрос в работе: П. Д. Диатроптов. *Культ героев в античном северном Причерноморье* (М. 2001) 58 слл., где автор учитывает и разбираемую здесь эпитафию, привлекая в качестве параллели *CIRB* 1057. Что касается “геройских роц” (ср. *GVI Peek* 1157, 9 sqq.), то представление это не в последнюю очередь опирается, по-видимому, как раз на обсаженные (земными!) деревьями участки, служившие культу героев.

Какой глагол и в какой форме мыслится при οὐ κελαϊνὸς οἶκος в стк. 12? В старом ли толковании (с исправлением текста), или в том, какое предлагается здесь, глагол для начальной части аподосиса приходится извлекать из второй его части через зевгму из сказуемого ἔξουσι. Проще всего домысливается ἔξει: ¹⁴⁵ зевгмы этого рода настолько естественны в литературной речи, что могут даже не восприниматься читателями как особый, заслуживающий внимания элемент. ¹⁴⁶ Охватив фразу в целом, имеющий литературный навык читатель без труда постигает то, что автор передал зевгматически: οὐ κελαϊνὸς οἶκος <ἔξει σε>, ἠρώων δέ σε ἔξουσι σηκοί.

Итак, объяснению подлечит аподосис (стк. 12–13) начатого в стк. 10 условного периода: ἀλλ' εἰ ..., μ(ῆ) οὖν οὐ κελαϊνὸς οἶκο(ι)ς <ἔξει σε>, ἠρώων δέ σε / ἔξουσι σηκοί. Как было уже сказано, нет никаких сомнений относительно характера отрицания οὐ в стк. 12 – оно не может в качестве “общего” (nexal) ¹⁴⁷ отрицания относиться к ἔξουσι, ибо это давало бы неприемлемый смысл. Напротив, ясно, что оно должно отрицать κελαϊνὸς οἶκος, выступая в смысле “частного” (special) отрицания. Для открывающего аподосис μῆ в стк. 12 отсюда проистекают две возможности: (а) μῆ выступает в утвердительном или вопросительном предложении в качестве нексального союзного слова, относящегося к аподосису в целом (до σηκοί), при том *не* взаимодействуя с οὐ; или (б) “плеонастическое” μῆ образует с последующим οὐ некое целое, распространяя свое смысловое влияние только на первый колон аподосиса (до οἶκος) и разве что слегка модифицируя “специальное” отрицание οὐ.

¹⁴⁵ Презенс ἔχει или даже конъюнктив ἔχη также мыслимы, но менее правдоподобны, ибо предполагают большее интеллектуальное усилие со стороны читающего надпись.

¹⁴⁶ Зевгма встречается и в эпиграфических текстах, в частности боспорских. А. Коцевалов. *Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini* (= Eus Suppl. XII, Leopoli 1935) 7: de numero singulari et plurali (о старинных формулах ателий) *IPE* I 20, 21, 23: πάντων χρημάτων, ὧν ἂν αὐτὸς εἰσάγηι ἢ παῖδες etc.); *IPE* II 370, 1: Ἦδε(ί)η κείμαι, θυγάτηρ τε (Phanagor. V a. Chr.); *SIG³* 826 C 12 sqq.: οὐδὲ δῶρα δέξομαι οὔτε αὐτὸς ἐγώ, οὔτε ἄλλος ἐμοί... (scil. δέξεται); cf. *ibid*: p: 2; *K – G. I*, 42 (Anm. 2). О зевгме как высоколитературном – иногда – приеме ср. ниже 191.

¹⁴⁷ А. С. Moorhouse. *Studies in the Greek Negatives* (Cardiff 1959) passim. Мурхаус следует Есперсену в различении нексального и специального отрицаний (nexal / special negative); прямо о μῆ οὐ: idem. *The Construction with μῆ οὐ* // *CQ* 34 (1940) 70–77. О трудном случае употребления “сдвоенного” отрицания писал Хертер (H. Herter. *Negationspleonasmus* // *RhM* 92 [1943] 174–176).

Разберем первую возможность, когда μή выступало бы как связующее слово для обеих частей аподосиса. Представим себе, что союзная частица (Verbindungspartikel)¹⁴⁸ μή нексально относится к целому, т. е. к ἔξουσι в первую очередь,¹⁴⁹ между тем как κελαινός οἶκος имеет при себе лишь частное οὐ. Такое положение вещей можно выразить, мысленно переставив первую часть аподосиса после второй: ἥρων σ' ἔξουσι σηκοί, κελαινός δ' οἶκος οὐ. Сочетание μή οὐν в начале предложения весьма употребительно – электронный *TLG* дает более пяти сотен случаев такого употребления. Чаще всего за μή οὐν следовал конъюнктив¹⁵⁰ или императив,¹⁵¹ которые вместе покрывают около половины всех засвидетельствованных случаев употребления этого сочетания. Особенно популярно μή οὐν с *coni.* в написанных обыденным языком папирусных текстах в смысле (отрицательного) пожелания или требования, например, в формулах: μή οὐν ἀμελήσης / ἄλλως ποιήσης / ποίει, т. е. “не премини (сделать); действуй так (не иначе!)”.¹⁵² Изредка употребляются номинальные предложения с μή οὐν, где глагол в *imper.* или *coni.* примысливается (М. Anton. 4, 50: Μὴ οὐν ὡς πράγμα); время от времени встречаются употребления этого сочетания также при инфинитиве, причастии, *adiect. verb.*

Иногда μή *prohibitivum* / *deliberativum* может выступать и с индикативом.¹⁵³ Кроме того, конъюнктив при μή в первом колоне в стк. 12 можно было бы получить, восполнив таковой из ἔξουσι, *scil.:* μ(ῆ) οὐν οὐ κελαινός οἶκος <ἔχη / σχῆ σε>,¹⁵⁴ ἥρων δέ¹⁵⁵ σε ἔξουσι σηκοί. Это несколько труднее, чем вычитать из ἔξουσι *fut. ind.* <ἔξει>, и примерно столь же затратно, как вычитывание формы *ind. praes.* <ἔχει>.

¹⁴⁸ К – G. II, 391.

¹⁴⁹ Мурхаус (Moorhouse. *Studies...* [прим. 147] 5 f.), подытоживает наблюдения своих предшественников по этому вопросу в общем виде так: “There is a sort of tug of war for possession of the negative, between the predicate (verb) and single elements in the sentence (nouns); and usually the verb wins”.

¹⁵⁰ μή οὐν с. *coni.*: Plat. *Theaet.* 169 с 2; *Euthd.* 272 с 5; Demosth. *Or.* 14, 38, 1.

¹⁵¹ μή οὐν с. *imper.*: Aeschin. *Tim.* 124, 10; 193, 1; Aeschin. *De fals. leg.* 145, 13 Blass или название сочинения Иоанна Златоуста (Ioann. Chrysost. Μὴ οὐν φοβοῦ, ὅταν πλουτήσῃ ἄνθρωπος – *MPG* 55, 499 sq.).

¹⁵² Формула μή οὐν ἄλλως ποιήσης встречается начиная с Платона до позднего времени; очень в ходу она в египетских папирусах (Mauser. *GrPP* II, 548).

¹⁵³ Любопытно, что даже при μή после *verba timendi*, как показывает Гудвин (W. W. Goodwin. *Syntax* [New York 1965 = 1889] p. 132 [§ 367]), бывают случаи употребления индикатива.

¹⁵⁴ Можно было бы представить себе и ἐχέτω νιν vel sim.

¹⁵⁵ См. Denniston. *GP*, 167–168 (§ 3), ср. Коцевалов (прим. 146) 124 (§ 113, 1).

Главное возражение против того, чтобы видеть в стк. 12–13 μή (οὖν), употребленное применительно к аподосису в целом, – и смысловое, и грамматическое: μή с. conī. обычно употребляется со вторым лицом в запретительном значении (μή prohibivum), которое здесь неуместно, ибо о запретах или приказах силам смерти говорить не приходится. Что касается раздумий по этому поводу (μή deliberativum), то фраза: “Если ты пал как герой..., то не черная обитель <тебя примет>, а примут, *надо думать* (μή с. conī.), геройские рощи”, – бросая тень сомнения на будущее благополучие покойного, усиливала бы и без того тяжкое впечатление от смерти, смягчению которого призваны служить надгробные стихи; ¹⁵⁶ по требованиям жанра под конец требуется убежденность в том, что после смерти все будет обстоять необыкновенно хорошо. Таким образом, в применении к *apodosisu* в целом (стк. 12–13) μή deliberativum не устраивает по смыслу.

9. Вопрос, вводимый μή οὖν с. ind.?

Продолжая анализ возможностей истолкования стк. 12 сл., заметим, что μή (иногда с последующим οὖ) с. ind. встречается в начале вопросительных предложений, где μή выступает прежде всего как вопросительное слово, близкое по функции к ἄρα, ἤ и др. Иначе говоря, μή с ἔξουσι в стк. 13 формально могло бы вводить вопрос.¹⁵⁷

У Платона μή interrogativum с. ind. встречается, по подсчету Хэри, 24 раза; ¹⁵⁸ засвидетельствованы у него и вопросы, вводимые со-

¹⁵⁶ Роль утешителя трудна и в жизни, и в литературе по этой самой причине: верит или нет, он обязан уверять в лучшем. Обширный материал греческих эпитафий – “народных” или литературных – подтверждает это редкостью “отчаянных” эпитафий, о которых см.: R. Lattimore. *Themes in Greek and Latin Epitaphs* (Urbana 1962) 74–78 (“Greek Epitaphs Denying Belief in Immortality”). А что утешать(ся) жизнью в “лучшем мире” могут и люди, способные или даже склонные сомневаться в его существовании, на примере Цицерона показал А. И. Доватур в упомянутой выше статье, посвященной *CIRB* 130 [выше прим. 139, 20–27].

¹⁵⁷ Этому специально посвящена статья: J. E. Harry. Indicative questions with μή and ἄρα μή // *Studies in honor of B. L. Gildersleeve* (Baltimore 1902) 427–434, которая полезна, несмотря на то, что отыскание свидетельств теперь при наличии электронного *TLG* стало гораздо легче.

¹⁵⁸ Ф. Аст в своем лексиконе (*Ast. Lex. Platonicum* II, 334) передает вопросительное μή через лат. num? numquid?, а по-немецки ‘doch nicht’ (в настороженных вопросах, предвосхищающих несогласие), но и просто как ‘wohl, etwa’, т. е. в смысле осторожного упреждения согласия. Ср.: K.-G. II, 221, 525 (cf. *ibid.* I, 224 f.), чему вполне следует Schwyzler *GrGr* II, 629.

четанием μή οὖν.¹⁵⁹ Рассмотрим последнюю разновидность, например, *Resp.* 480 а 6–12: Μή οὖν τι ¹⁶⁰ πλημμελήσομεν φιλοδόξους καλοῦντες αὐτοὺς μάλλον ἢ φιλοσόφους; καὶ ἄρα ἡμῖν σφόδρα χαλεπανοῦσιν ἂν οὕτω λέγωμεν; – Οὐκ, ἂν γέ μοι πείθωνται, ἔφη· τῷ γὰρ ἀληθεῖ χαλεπαίνειν οὐ θέμις. – “Так мы, может, ошибемся, назвав их скорее мнительными, чем мудрствующими? А они, верно, сильно рассердятся, если мы так выразимся? – Меня спросили бы, – я бы сказал им, <что> нет, раз уж не следует обижаться на правду”. Спрашивающий считает, что действие, обозначенное глаголом после μή, может быть ошибкой, хотя это и не имеет места в настоящем случае; при этом он, скорее всего, не исключает, что собеседник разделит его мнение (ср. чуть ниже вопрос такого же типа и даже с тем же глаголом, вводимый через μῶν).

Иронический вопрос с индикативом при вопросительном сочетании μή οὖν встречаем и у Эпиктета (IV, 12, 9): Ἄλλ' οὐκ ἤρεσα τῷ δεῖνι. Μή οὖν ἐκεῖνος ἐμὸν ἐστὶν ἔργον, μή τι ἐμὸν κρίμα; Οὐ. Τί οὖν ἔτι μοι μέλει; Здесь предвосхищается (стоическое) несогласие с тем, что (иронически) формулируется в вопросе: что бы ни происходило в душе другого, это для стоика не может быть “моим делом”. Подобные вопросы есть у Диона Хризостома (напр., *Orat.* 14, 8) или у Лукиана (к примеру, *Dial. meretr.* 5, 4). Их распространенность подтверждается приведенной выше выдержкой из Аполлония Дискола,¹⁶¹ высказывание которого показывает, что вопросы, вводимые сочетанием μή οὖν, были распространены в разговорной речи в его время – во II в. н. э.¹⁶²

У Ксенофонта такой вопрос засвидетельствован однажды, в смысле очень близком к аттицизму μῶν, к которому аттический классик прибегать, видно, не желает (*Mem.* IV, 2, 12, 16–18 Marchant): Μή οὖν,

¹⁵⁹ Сочетание это выступает у греческих авторов иногда и в расширенном виде, к примеру: μή τι γοῦν, Aelian. *NA* 38, 4; 70, 10; *VH* 145, 27 (W. Schmid. *Atticismus* III, 69, 338 resp.); Clem. Alex. *Strom.* VIII, 9, 28, 7: μή τι οὖν οὐ κατὰ ... λέγεται ταῦτα.

¹⁶⁰ Отметим и то, что показывает положение τι в этом пассаже: когда бы μή οὖν не составляли единства, неопределенная частица стояла бы скорее после μή.

¹⁶¹ См. цитату из Аполлония, приведенную на с. 219.

¹⁶² Вопросы, вводимые μή, носили, как считал Хэрри (выше прим. 157), разговорный характер, особенно в сочетании ἄρα μή; ср.: idem. *Créon et son fils.* ἄρα μή (*Soph. Ant.* 632) // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* (Année et tome) XIV (1940) 5–10 (выражаю признательность Д. В. Кейеру, в этом, как и в ряде других случаев, помогшему разыскать малодоступные исследования).

ἔφη ὁ Εὐθύδημος, οὐ δύναμαι ¹⁶³ ἐγὼ τὰ τῆς δικαιοσύνης ἔργα ἐξηγήσασθαι; καὶ νῆ Δί' ἔγωγε τὰ τῆς ἀδικίας· – “Чтобы я не мог рассказать, в чем дела правды, когда уж несправедные могу!” (риторический вопрос здесь близок к недоуменно-возмущенному восклицанию). μὴ οὖν οὐ и здесь указывает на ожидаемое несогласие собеседника с οὐ δύναμαι.

Заметно, что эта (псевдо)вопросительная формула со времен Платона участвует в создании диалогически-интеллектуальной интонации после того как великий писатель воспроизвел в этом моменте черту сократических бесед; то, что Ксенофонт сам так не говорит, зато прибегает к этому типу вопроса, рассказывая о Сократе, подтверждает догадку о ключевой роли Сократа в распространении этого способа выражения.

Очень близка к μὴ οὖν не только по происхождению, но и по характеру вводимых ею сократически стилизованных вопросов частица μῶν,¹⁶⁴ сферой вопросов – в отличие от μὴ οὖν – и ограниченная. Глагол в будущем времени при этих частицах равно выражал ожидание, что действие его места иметь *не* будет; если же при глаголе стоит οὐ, то, наоборот, *будет*.¹⁶⁵ В этом смысле поучителен явно синонимический уже приводившемуся выше вопрос у Платона (*Soph.* 244 b 3–5): ταῦτα δὴ λέγοντές τε καὶ ἀξιοῦντες..., μῶν, ὦ παῖ, τὶ πλημμελήσομεν; – “Нкιστά γε. – “Мы что же, ошибемся?.. Ничуть.”). Другое дело, что μὴ οὖν употребляется не только в вопросах и даже, как мы видели, в основном не в них, так что сходство частиц в целом не полное, не смотря на их историческую близость.

Впоследствии это использование философических псевдо-вопросов (*Scheinfragen*) было подхвачено учителями философии, потом риториками, демонстрирующими суверенный интеллектуализм. И неудивительно, что эпиграмматисты (*AG IX*, 19, 7; *LV*, 22, 1; *LVIII*, 1, 7) высмеивают вопросы, вводимые μὴ οὖν, μῶν или даже μῶν οὖν, как манерный гиператтицизм, притом один из самых назойливых (*AG XI*, 157, 1): Ὠγαθὲ καὶ μῶν οὖν καὶ ποῖ δὴ καὶ πόθεν, ὦ τῶν etc. Когда

¹⁶³ В этом пассаже Ксенофонта некоторые издатели (например, Г. Зауппе) принимают, впрочем, конъюнктив, также представленный в рукописной традиции этого пассажа.

¹⁶⁴ Moeris, p. 242: μῶν Ἀττικὸς, μὴ ἄρα Ἑλληνικός.

¹⁶⁵ *K.-G.* II, 525: ‘doch nicht etwa? doch wohl nicht?’; P. Chantraine, *DELG.* s. v. οὖν (III, 837): οὐκοῦν – ‘n’est ce pas?’, μῶν – ‘est-ce que par hasard?’ (последнее близко по смыслу к ἄρα μή...;) и т. п.

Лукиан заставляет ритора в приступе рвоты изрыгать гиператтицизмы, μὼν оказывается первым, от чего ему приходится освободиться – печальная повесть про последствия перенасыщения аттицизмами (*Lexiph.* 21, cf. 3; 12).

Пора, однако, вернуться к эпитафии Аполлония. Признав вопросительное μή (οὖν) в начале стк. 12, ничто не мешало бы нам поставить (вернее – мыслить) вопросительный знак в стк. 13 после ἡρώων σηκοί.¹⁶⁶ И все-таки, дело решается отрицательно, когда учтем смысловую сторону: при предположении, что аподосис в целом построен как вопрос, вводимый μή οὖν, получалось бы следующее: “... разве не черный дом, а геройские рощи получают тебя?”. Это немыслимо в эпитафии и как раз обратно тому, ради чего ее затеяли; чтобы получить приемлемый смысл, необходимо было бы еще одно нексальное отрицание: μή οὖν (или μὼν) ... <οὐ> ἔξουσί σε ἡρώων σηκοί, κελαινὸς δ' οἴκοις οὐ; Только это обеспечило бы нужный смысл “...так разве не получают тебя геройские рощи, а не обиталище мрака?”, но, как видим, текст этого не дает.

10. “Плеонастическое” μή οὐ в первом колоне аподосиса

Таким образом, конструкция с μή, обнимающим весь аподосис (стк. 12–13 до σηκοί), либо вводит через μή *deliberativum* не в меру осторожное суждение в главном пункте эпитафии (гарантии новой блаженной жизни покойного), либо ставит вопрос, имеющий отрицательную валентность, а значит – подвергает сомнению будущность героя. В обоих случаях смысл неудовлетворителен.

Обратим, однако, внимание на строение фразы; двухчленное строение, похожее на то, что находим в стк. 12–13, нетрудно обнаружить в хороших греческих текстах, напр. *AG VII*, 579, 5–6: τοῦτον ἔγωγε / ἄγριον οὐ καλέω, τὸν δὲ φύσει θάνατον. Как по мысли, так и по форме примечательна структура: *AG Append.* 2, 286, 13 sq.: Τοίνυν οὐ τύμβου κατὰ γῆς, μακάρων δὲ λέλογχα / χώρον καὶ τὰ θεῶν δώματα χρυσοπαγῆ. Противопоставление и вместе с тем тесное переплетение двух частей предложения хорошо видно в следующем высказывании Платона (*Apol.* 39 a): ἀλλὰ μή τοῦτ' ἦ χαλεπόν, ὧ ἄνδρες, θάνατον ἐκφυγεῖν, ἀλλὰ πολὺ χαλεπώτερον πονηρίαν. Сходное находим в пас-

¹⁶⁶ В нашей надписи очевидно отсутствие какой бы то ни было интерпункции. Об истории знаков препинания в греческих надписях: W. Larfeld. *Handbuch der griechischen Epigraphik* II, 2 (Leipzig 1902) 565 ff.

саже (Plat. *Apol.* 24 b 8–с 1): Σωκράτη φησὶν ἀδικεῖν τοὺς τε νέους διαφθείροντα καὶ θεοὺς οὐς ἡ πόλις νομίζει οὐ νομίζοντα, ἕτερα δὲ δαμόνια καὶνὰ, cf. *ibid.* 27 b 5–8 etc.

Как известно, μὴ οὐ нередко оказываются рядом, и могло создаваться впечатление, что отрицание этим либо отрицается, либо усиливается. Однако это иллюзия: солидные грамматики с полным основанием объясняют, что сочетание μὴ οὐ cum inf., part., adi. выполняют различные функции: οὐ отрицает, а “плеонастическое”¹⁶⁷ μὴ, не переверачивая высказывания (да и вообще являясь не столько отрицанием, сколько соединительной частицей), всего лишь указывает на то, что в предшествующей части фразы имелось прямое или виртуальное отрицание¹⁶⁸ (ср. синтаксические условия, при которых появляется лат. *quin*). Формула μήποτε οὖν οὐκ у Симпликия, где μήποτε близко к ‘пожалуй’; ‘возможно’,¹⁶⁹ позволяет видеть, что и простое μὴ (даже и в более раннее время), скорее всего, не было чем-то усиливающим отрицание οὐ или, напротив, вообще нефункциональным, а играло в разбираемом сочетании свою собственную синтактико-семантическую роль.

Другое дело, что стоящие рядом μὴ οὐ богато засвидетельствованы, притом и в метрических текстах, где они (как мы уже видели в связи с вопросом о контракции μὴ со словами, начинающимися с гласного) благодаря синизесе¹⁷⁰ произносятся в один слог и воспринимаются, надо полагать, как единый речевой элемент; их фонетическое объединение нередко подчеркнуто тем, что они образуют синтагму, субстантивированную с помощью артикля: τὸ μὴ οὐ.¹⁷¹ Впрочем, то же

¹⁶⁷ В английской терминологии ‘redundant’: Smyth – Messing, p. 622.

¹⁶⁸ μὴ οὐ после отрицания: Smyth – Messing p. 622f., § 2739–2743; Goodwin, p. 326–328, § 815–820.

¹⁶⁹ Simp. *In Cael.* p. 587, 12–16: μήποτε οὖν οὐκ ἐν τῇ ἐπικρατείᾳ τῆς Φιλίας ταῦτα λέγει γενέσθαι ὁ Ἐμπεδοκλῆς, ὡς ἐνόμισεν Ἀλέξανδρος, ἀλλὰ τότε, ὅτε οὐπω τὸ Νεῖκος πᾶν ἐξέστηκεν ἐπ’ ἔσχατα τέρματα κύκλου, ἀλλὰ τὰ μὲν τ’ ἐνέμμενε μελέων, τὰ δὲ τ’ ἐξεβεβήκει. Конечно, μήποτε уже особое слово, близкое к ‘может быть’, ‘скорее’, однако оно показывает, в каком смысловом направлении развивалось изучаемое нами употребление μὴ.

¹⁷⁰ Синизеса μὴ οὐ при таком употреблении, напр.: Eur. *Andr.* 626: οὕτως ἔδεισας μὴ οὐ κακὴν δάμαρτ’ ἔχης; AG XII, 154: μὴ οὐχὶ φιλεῖν πρόφασιν и др.

¹⁷¹ Субстантивированное τὸ μὴ οὐ с. inf., ex. gr.: Aesch. *Eum.* 914–915: οὐκ ἀνέξομαι τὸ μὴ οὐ / τῆνδ’ ἀστύνικον ἐν βροτοῖς τιμᾶν πόλιν; cf. Eur. *fr.* 1064 N², Kannicht (τὸ μὴ οὐ ... νέμειν); Plat. *Leg.* 891 a 5–7 (τὸ μὴ οὐ βοηθεῖν). μὴ οὐ с. part.: Soph. *OT* 11–13; с. adiect.: Eur. *fr.* 1068; с. adverb.: Aesch. *Prom.* 627 etc.

самое обстоятельство показывает и другое: несмотря на то, что у греческих писателей встречаются даже и смелые тмесисы,¹⁷² не видно, чтобы $\mu\eta$ οὐ cum inf., part., adi. когда-нибудь в таком тмесисе оказывались – иначе говоря, непосредственное следование $\mu\eta$ и οὐ друг за другом является не второстепенным, а основополагающим признаком конструкции. А в таком случае, она не применима к разбираемому пассажию. Не применимы и употребленные на пару $\mu\eta$ οὐ, появляющиеся после *verba timendi*,¹⁷³ по той причине, что в разбираемых строках эпитафии таких нет.

Примеры с вопросительными $\mu\eta$ οὐ не редкость. Возьмем Платона (*Meno* 89 с 5): $\mu\eta$ τοῦτο οὐ καλῶς ὁμολογήσαμεν; – “Может быть, не хорошо мы об этом уговорились?”. οὐ здесь скорее “специальное”, между тем как вопрос, вводимый $\mu\eta$, предполагает необходимость не согласиться с этим οὐ καλῶς. Нечто между вопросом и догадкой (οὐ частное, $\mu\eta$ общее) встречаем у Эпиктета (III, 2, 13): Βλέπουμεν καὶ σοῦ τὰ δόγματα. $\mu\eta$ γὰρ οὐ δῆλόν ἐστιν, ὅτι σὺ τὴν προαίρεσιν τὴν σαυτοῦ ἐν οὐδενὶ τίθεσαι, ἔξω δὲ βλέπεις εἰς τὰ ἀπροαίρετα...; cf. *ibid.* IV, 5, 8 и др.

А что если – в отличие от уже разобранных первоначально вариантов, где обсуждалось $\mu\eta$ deliberativum в применении к аподосису в целом (с $\mu\eta$ до σηκοί), – перед нами другая разновидность конструкции с делиберативным $\mu\eta$? Иначе говоря, предположим, что во втором колоне, вводимом через δέ¹⁷⁴ и определенно противопоставленном первому, альтернатива загробной судьбы Аполлония решается совершенно положительным образом: он *будет* в рощах героев, между тем как

¹⁷² Тмесис случается в рамках сдвоенного (усиленного) отрицания οὐ μή (*Soph. Trach.* 623): οὐ τοι μή. Бывают яркие тмесисы с οὐν: *AG* XII, 226, 3: ἢ με κατ' οὐν ἐδάμασσεν (cf. *AG Appendix* 3, 95, 8); *FD* II coll. 5: ἐξ οὐν τῶν Λογγίνου καθεστώτων; *Sardis* VII. I. 1, 11: ἐκ πασῶν οὐν τῶν κωμῶν или τὸ χρυσίον οὐν τὸ ἀρχαίον. Cf. *Denniston, GP*² 429 f: οὐν, разделяющее приставку и глагол, имеется, напр., у *Epich. fr.* 124; *fr.* 35, 6; *Hdt.* I, 194 ἀπ' ὧν ἐκέρυξαν и проч.

¹⁷³ После *verba timendi* напр.: *Il.* I, 566: μ' νύ τοι οὐ χραίσμωσιν ὅσοι θεοί εἰς' ἐν Ὀλύμπῳ (иронический испуг относительно благополучия собеседника); *Apoll. Rhod. Arg.* III, 479–483: δεῖδω μ' πῶς οὐ μοι ὑποστ' ἢ τόγε μ' τηρ. Сходно с этим у Платона (*Parm.* 136 d 5): Αὐτοῦ ... δεώμεθα Παρμενίδου· $\mu\eta$ γὰρ οὐ φαῦλον ἦ ὀλέγει.

¹⁷⁴ Примеры похожего употребления δέ после отрицания в первой части дает *Denniston (Denniston. GP*², 165–168): *Hom. Od.* IX, 145; *Aesch. Suppl.* 1026; *Prom.* 1075; *Soph. Philoct.* 334; *Hdt.* V, 11, 2; 198; *Thuc.* I, 5 etc. *Denniston* отмечает, что опущение μέν, которое предшествовало бы δέ, чаще случается в стихах, чем в прозе, и что особенно часто такое происходит как раз при наличии отрицания.

рассудительная сила частицы μή распространялась бы только на *пер- вый* колон аподосиса в стк. 12.

Для оценки этого допущения в высшей степени любопытен пассаж из Аристотеля, позволяющий, мне кажется, наложив на него разбираемые нами строки, почти воочию увидеть, с какой конструкцией мы имеем дело и какой смысл вероятнее всего имели стк. 12 сл. эпитафии Аполлония (Aristot. *Polit.* 1263 a 40–1263 b):¹⁷⁵ ἔτι δὲ καὶ πρὸς ἡδονὴν ἀμύθητον ὅσον διαφέρει τὸ νομίζειν ἰδίον τι. μὴ γὰρ οὐ μάτην τὴν πρὸς (1263 b) αὐτὸν αὐτὸς ἔξει φιλίαν ἕκαστος, ἀλλ' ἔστι τοῦτο φυσικόν.¹⁷⁶

Про это употребление Бониц, охарактеризовав сперва сочетание μή ... οὐ после *verba timendi*, говорит так: *inde non praegresso verbo, unde interrogatio suspensa sit, μή с. ind. dubitanter et modestius affirmantis est.*¹⁷⁷ Иначе говоря, μή ... οὐ с. ind. вводит не столько сомнение, сколько преподносимое в форме не доскональной уверенности, а потому интеллектуально-вежливое, утверждение. Собственно говоря, нас не страшило бы требование видеть здесь μή ... οὐ сит *coni.*, потому что зевгма позволяла бы нам сделать и это, как она может позволит нам извлечь из ἔξουσι не только fut., но, если бы понадобилось, и *praes.*,— однако fut. ind. <ἔξει> в ст. 12 добывается всего легче и в этом смысле имеет за себя чуть более вероятия (нельзя, пожалуй, исключать, что разные носители языка могли решать для себя подобный вопрос в рамках допустимых вариантов). То, что μή οὐν (*Resp.* 480 a 6–12) стояло при fut. ind., позволяет нам остановиться на чтении, которое сохранял Бониц в процитированном пассаже Аристотеля.

Что касается редкости подобных употреблений, то, не являясь уникальными, они отражают манеру речи, не являющуюся, по всей видимости, вполне расхожей. И не зря именно Аристотель дает нам

¹⁷⁵ Индекс Боница (р. 464, *recta col. sub fin.*) дает даже и несколько примеров схожей структуры μή ... οὐ, что исключает какое-либо сомнение в надежности особенно существенного для нас пассажа: *Eth. Nic.* X, 1, 1172^a33, 2, 1173^a23, 10, 1179^b23, *Eth. Eud.* I, 8, 1217^b24.

¹⁷⁶ W. L. Newman (ed.). *The Politics of Aristotle* II (Oxford 1887) 251 *ad loc.* (оспаривая мнение, по которому следовало бы исправлять ind. ἔχει на *coni.* ἔχη по аналогии с *Pol.* 1291 a 9; *EN* X, 2, 1172 b 36, 10; 1172 b 24, Ньюмэн ссылается на *EN* X, 1, 1172 a 34; 2, 1173 a 23).—Здесь, как и в ряде других мест, автор благодарен редакции за плодотворную дискуссию и полезные советы.

¹⁷⁷ H. Bonitz. *Index Aristotelicus* (Berolini 1870) 464; ср. Smyth–Messing, 404 § 1801: μή οὐ с. *coni.* выражает осторожное отрицание (a doubtful negation).

наиболее близкий образчик для того высказывания, которое со временем стало оборотом развитого литературного языка, включающего интеллигентную или даже интеллигентскую речь. В разбираемом Doppelsatz в первой его половине содержится полуутверждение-полувопрос, а вернее, утверждение в слегка вопрошающей форме, – турнюр в стиле высоколобой беседы на философские темы.

Теперь разбираемый период в центре эпитафии Аполлония по праву обретает следующий перевод: “Но раз веретено Мойр закрутило тебя, павшего под жестокими копьями варваров, уж, *верно*, не черный дом, – тебя примут рощи героев”.

Допускает ли автор эпитафии сомнение в том, что Аполлоний не будет поглощен подземным мраком? Да, в первом колоне, по форме, в качестве своего рода интеллектуального *façon de parler*, на миг допускается подобие сомнения¹⁷⁸ в будущей жизни погибшего (тем более что власть мрачной обители над покойным слишком очевидна), но делается это лишь для того, чтобы тут же объявить полную уверенность в бессмертии героя.

11. Литературная оценка эпитафии

Таким образом, представляется, что предлагаемое памятником написание ΜΟΥΝΟΥ можно, а значит – и нужно осмыслить как μούν οὐ, тем более что документальная традиция оказывается и стилистически богаче, чем текст, построенный на основе ученой догадки. Расставаясь с поправкой Латышева и обобщая наши наблюдения в перспективе истории науки, отметим, что, работая с *CIRB* 119, можно было убедиться и в великих заслугах и достижениях Латышева (удачный перевод гапакса ῥομβίσας), и в его промахах: неудачный перевод выражения ἀστένακτος, выбор формы ῥομβέω для стоящего за ῥομβίσας глагола, и, наконец, неволью замедлившая толкование идея о том, что с ΜΟΥΝΟΥ надо справляться через конъектуру. Примечательно и то, что часть правильных решений (толкование ἀστένακτος в активном смысле и предпочтительное в словообразовательно-семантическом плане ῥομβίζω), принятых в международной науке с самого начала изучения этого текста, оказалась у нас принесена в жертву научному влиянию первоиздателя, притом не в смысле критического внимания,

¹⁷⁸ Ср. *AG Appendix* 2, 617, 4: ἀλλ' εἰ γ' ἐν φθιμένοισι τις αἴσθησις, ... ἔχοις.

а в духе автоматического следования, когда авторитет не будит мысль, а ее усыпляет.

В последний раз бросая взгляд на текст ради обобщения сказанного выше, вспомним упрек В. Кренерта,¹⁷⁹ отмечавшего однообразную правильность, как бы школьную старательность этого текста, в особенности применительно к метрике, где бросается в глаза правильная цезура в каждом стихе и монотонное совпадение метрических и синтаксических отрезков – колонов и строк.¹⁸⁰ Но так ли уж однообразно ритмическое структурирование смысла в *CIRB* 119 и так ли посредствен автор эпитафии Аполлонию?

Представляется, что некоторая оригинальность надгробия в метрическом отношении начинается с того, что ямбический триметр в боспорских надгробных эпитаграммах, как и вообще в Северном Причерноморье, на фоне преобладания элегического дистиха встречается относительно редко. Параллелей на Боспоре мало: эпитафия уроженца Амастриды Гелиодора (№ 134, *scriptio plena*), в отношении которой издатели склоняются к датировке I в. н. э.; эпитафия купца Хрестиона, сына Асиатика (*CIRB* 142, *secundum metrum*), относимая к тому же времени, что и предыдущая; есть ямбическое стихотворение и в цикле на смерть девушки Феофилы (*CIRB* 130, стк. 7–10).¹⁸¹ Эти параллели показывают, что было бы неосторожно утверждать, что в ямбах эпитафии Аполлония действительно заложены те маршевые, воинственные обертоны, которые в них слышатся. Не являясь особенно изысканным,¹⁸² такой выбор метра выдает скорее нежелание идти в ногу с большинством.

Об исполнении стелы в смысле работы резчика мы уже говорили. Форма стелы отличная; композиция декора, рельефа, текстового поля тешит глаз. Кто изображен на рельефе? Отец погибшего – старший Аполлоний – с рабом или с малолетним внуком? Или это сам погибший в сопровождении слуги-оруженосца? Но где тогда атрибуты воинственности и откуда какая-то старообразность облика? По крайней мере грустью и одиночеством веет от этого изображения – вот уж действительно: πάντα συνφορᾶς γέμει. Словом, рельеф, нуждающийся в

¹⁷⁹ См. прим. 5 первой части работы.

¹⁸⁰ Grönert (прим. 5) 142: эпитафия Аполлония посредственна, в отличие от боспорских ямбических надгробий (*CIRB* 134 и 142).

¹⁸¹ Доватур (прим. 139) 17.

¹⁸² На первые двести стихотворений по сборнику Пека ямбами написаны следующие (*GVI Peek*): 63, 65, 66, 74, 144, 185, 187.

искусствоведческой интерпретации, по-своему тоже обращает на себя внимание.

Надо, конечно, признать, что стихотворение выполнено в эклектичном стиле. Ионизмы (μοῦνος, Μοιρέων) соседствуют с аттицизмом οὔν; вариант δακρούις был несколько менее в ходу, чем δάκρυσι, но при выборе сказалось, как водится, просодическое удобство. Иначе говоря, перед нами скорее поэтический язык с его богатством (в частности, диалектных) вариантов, чем какой-либо строгий стиль. В начальных строках (при правильном понимании ἀστένακτος) видно несложное, но риторически эффектное, ибо энергичное, противопоставление. Прилагательное в выражении μοῦνος κανόν употреблено в засвидетельствованном с классического времени смысле 'единственный в своем роде, unicus'. Что касается κανόν, то возможна, хоть и не обязательна, ассоциация с пряděем и(ли) тканьем,¹⁸³ что хорошо подходило бы к образам стк. 10.¹⁸⁴

Есть в том же пассаже и нечто, похожее на enallage: действия Мойр перенесены на их веретено, к тому же последнее (если правильно данное в первой части работы объяснение ἐρόμβισεν) обрывает не нить жизни Аполлония, а прямо *ego самого* (σε), благодаря чему образный ряд оказывается вдруг нарушен, и сквозь покров поэтического языка вдруг – и болезненно – проступает сама горестная действительность. При этом неживое, κλωστήρ, представлено так, словно оно живое,¹⁸⁵ а часть – тот же κλωστήρ – выступает как целое, а именно как Мойра с ее веретеном и роковой пряжей на нем. Наконец, выражение βάζις (от βάζω, в духе лат. fama) звучало, как показывают параллели, имеющиеся в аттической трагедии,¹⁸⁶ скорее приподнято: автор и здесь подобрал слово в тон всему стихотворению;¹⁸⁷ при этом вряд ли без воли сочинителя явил-

¹⁸³ Слово хорошо изучено: Н. Oppel. *Κανόν. Zur Bedeutungsgeschichte des Wortes und seiner lateinischen Entsprechungen (Regula-Norma)* (Leipzig 1937 = *Philologus, Suppl.* XXX, 4) 5–7.

¹⁸⁴ См. уже цит. выше труд Блюмнера (Blümner [прим. 70] I², 148–150). То же сравнение, притом рядом с ἀλλ' εἰ, см. в акарнанской надписи II в. до н. э., in: *IG IX*, 1 (2), 314, 5: κοῦρον, ἀμωμήτου σφροσύνης κανόνα – в обоих случаях покойный представлен как κανόν.

¹⁸⁵ Приравнивание человека к его судьбе вообще естественно, а для поэта к тому же подготовлено стк. 9, где ἐκλάσθης κανόν уже совершает примечательный скачок в этом направлении.

¹⁸⁶ Aesch. *Agam.* 10, Soph. *Trach.* 87, *Aiāx* 494, Eur. *Hel.* 224, 351 etc.

¹⁸⁷ Особенно любопытна параллель к βάζις из *Epigr. Gr.* 982, 2 Kaibel.

ся ассонанс βάξις / χάρις. Таким образом, не только метр правилен, но и слог показывает навык автора в пользовании поэтическим языком.

Синтаксис *CIRB* 119 не так уж однообразен, хоть и правда, что синтаксическая ткань нашего текста может производить – тут приходится согласиться с Кренертом – несколько докучливое впечатление.¹⁸⁸ И все-таки, нельзя не признать того, что в стихотворении применены даже и яркие синтактико-стилистические приемы. Выразительна серия с *asyndeta* в стк. 7 сл.¹⁸⁹ Если θουρία<1> χερί действительно (как я старался показать) примыкает к ἔδραμες, это, на фоне нормальной препозиции несогласованного определения (ἠρώων... σῆκοί) в стк. 13, довольно смелый гипербат. Зевгма, которая признается и в литературной речи, встречаясь в таковом качестве также и в надписях,¹⁹⁰ в более сложных своих формах служит и вовсе высоколитературным приемом.¹⁹¹ Между тем даже при старой интерпретации с исправлением в стк. 12 без зевгмы, опирающейся на форму ἔξουσι, никак не обойтись. Наконец, “заступ” (*enjambement*) в стк. 13 – безусловно украшение, прорывающее ту ритмическую монотонность, на которую сетовали строгие литературные судьи.

Что касается ст. 12 сл., то они не зря вызывали затруднение – этому пассажи по авторскому замыслу присуща некоторая осложненность, так как в этом высказывании поэт пользуется ресурсами метрики, грамматики и литературного языка вполне свободно и на собственный лад. Лексически ῥομβίζω, может быть, и случайно гапак; но ведь неслучайно же оно – редкость! Ритмически несомненно резкая смена: за рублеными колонами стк. 7–8 следует, начиная

¹⁸⁸ Высказывая свое наблюдение, Кренерт (прим. 5, 186) верно признал исключением стк. 12 сл.

¹⁸⁹ Коцевалов (прим. 33) 129: *asyndeta* (с примерами).

¹⁹⁰ *Ibid.*, 121 (110). Коцевалов приводит *IPE* I 30, 8 ἐπ[α]νέσαι Ἑλλα(νικον), ὅτι εὔνοον [ἐαυτὸν καὶ πρόθυμον παρέχει τ]ῶι δήμ[ωι], отсылая также и к *IPE* 352, 52; впрочем, преимущество отнесения τ]ῶι δήμ[ωι] к первому прилагательному по сравнению со вторым (к тому же восстановленным) почти неощутимо. Конечно, речь здесь о легких зевгмах (H. Lausberg, *Handbuch der literarischen Rhetorik* [Stuttgart 31990] 348) вроде Aesch. *Eum.* 140 или Thuc. VI, 79, 1 vel sim.

¹⁹¹ Без зевгмы как поэтического приема нельзя себе представить римскую поэзию, так как эта фигура служит одним из средств создавать “римскую краткость”. Прозрачный случай Hor. *Epist.* I, 2, 69: quo semel est imbuta recens, servabit odorem, testa diu; нарочито трудными зевгмами знаменит Проперций.

со стк. 10, периодизированное строение с зевгмой в стк. 12–13. Наконец, небольшой, но хорошо структурированный условный период содержит высказывание, подающее утверждение в философски-выдержанной, интеллектуально отточенной форме: недаром образчики $\mu(\eta) \omicron\upsilon\nu \omicron\upsilon$ засвидетельствованы в философской речи. Беря все вместе: при своей краткости, структура стк. 10–13 довольно сложна, так что говорить о трафаретности никак не приходится.

Иначе говоря, в противовес сумбурной орфографии литературный язык стихотворения, как и общий облик памятника, правилен и даже богат. Если уж говорить о литературных недостатках эпитафии, это будет репертуарность мотивов и традиционность дикции, что, впрочем, не удивительно в столь надежно востребованном жанре как эпитафия, не случайно ограниченном жесткими смысловыми и композиционными требованиями. И все-таки в стихотворении есть цельность, достоинство, порядок, словом, литературный уровень. Родные не напрасно обратились к служителю Муз: в строках, показывающих понимание стоящих перед автором задач, сохранен силуэт достойного человека. $\text{Χαίρε, ὀπολλώνιε.}^{192}$

А. К. Гаврилов

*СПб Институт Истории РАН
Bibliotheca classica Petropolitana*

[2. Teil]

Als einziger irreführender Fehler beim Abschreiben des Textes *CIRB* 119 durch den Steinmetzen stünde die überlieferte Schreibung ΜΟΥΝΟΥ in der Z. 12 der Inschrift (bzw. V. 10 des Gedichts) anstatt des durch eine Konjektur Latyschevs eingeführten $\nu\upsilon\nu \omicron\upsilon$. Trotz einer großen Akzeptanz bei den Herausgebern scheint dieser Vorschlag weder paläographisch noch stilistisch gelungen. Die überlieferte Lesung ΜΟΥΝΟΥ deutet der Vf. vielmehr als $\mu\omicron\upsilon\nu$ (Ergebnis einer Verschmelzung von $\mu\eta \omicron\upsilon\nu$) $\omicron\upsilon$. Nach der Überprüfung verschiedener Möglichkeiten wird vorgeschlagen, $\mu\eta$ neben der Spezial-Negation $\omicron\upsilon$ als (mehr oder weniger) pleonastische Verbindungspartikel im Rahmen des ersten Kolons der Z. 12 (also nicht im Apodosis-Satz Z. 12–13 als Ganzes) anzusehen. Die mit diesem $\mu\eta \omicron\upsilon\nu$ eingeleitete Aussage – genau in der Art

¹⁹² Эту работу, начатую еще в конце 80-х годов в ходе комментирования метрических надписей Боспорского корпуса, я мог дорабатывать – в особенности много привлекая TLG – в академически спокойной обстановке NIAS (Wassenaar).

der aristotelischen Sentenz über die Natürlichkeit der Liebe zu sich selber (*Pol.* II 5. 1263 a 41 sqq.: μὴ γὰρ οὐ μάτην τὴν πρὸς αὐτὸν αὐτὸς ἔξει φιλίαν ἕκαστος, ἀλλ' ἔστι τοῦτο φυσικόν) – beinhaltet vorsichtig bejahenden, also einen intellektuell höflichen, Sinn. Dass <ἔξει> in der Z.12 – zeugmatisch – aus dem nachfolgenden ἔξουσι aus der Z. 13 ermittelt werden musste, gilt sowieso. μ(ἢ) οἶν οὐ κελαινὸς οἶκος, ἡρώων δέ σε ἔξουσι σηκοί heisst dann: “Das schwarze Haus doch wohl nicht – dich werden die Haine der Heroen haben”.

Die poetischen bzw. rhetorischen Mittel rekapitulierend verfiicht der Vf. die Ansicht, dass das Gedicht literarisch sorgfältiger und stilistisch origineller ausgearbeitet ist, als es zunächst scheinen mag. Die im ersten Teil des Aufsatzes durchgeführte Analyse des Hapax ῥομβίζω sowie die Ermittlung der Form der vorsichtigen Behauptung im ersten Kolon der Z. 12, die aus der Sprache der Intellektuellen stammt, verdeutlichen an sich, dass die Sprache des Gedichts anspruchsvoll genug gestaltet ist.